

Глава 94. Подзарядиться не хочешь?

В дрожащем свете свечи бумажный двойник стоял неподвижно, закрыв глаза.

Он был очень высоким и поразительно белым — белым до такой степени, будто и впрямь был сделан из бумаги. Чёрные волосы водопадом ниспадали вниз и стелились по полу. Его мертвенно-бледное, невероятно красивое лицо в тот миг, когда двойник появился, заставило Цзян Тана невольно ахнуть.

И было от чего: сходство с Фу Линцзюнем оказалось поразительным! Если бы не то, что двойник совсем не выглядел живым и напоминал бумажные фигуры из лавки гробовщика в старых фильмах ужасов, можно было бы сказать, что он почти настоящий.

Цзян Тану стало жутко. Он поспешно подтащил маленькую скамеечку и уселся рядом с Фу Линцзюнем, но и этого показалось мало — он ещё и вцепился в одежду своего возлюбленного, стараясь лишний раз не смотреть на бумажного двойника.

— Не бойся, — Фу Линцзюнь легко похлопал его по тыльной стороне ладони, а потом достал из жемчужины-нахай несколько мешочков для запирания душ.

Эти мешочки Цзян Тан знал. Раньше босс уже через Ци Е понемногу подменял Цзян Чанъюаню души, и именно в таких мешочках хранились извлечённые взамен — души людей чисто-иньской судьбы.

Сердечного демона нужно было кормить чисто-иньскими душами. Если же он пожирал «нечистые», демон начинал бесноваться и даже мог вытеснить самого Цзян Чанъюаня, подавив его сознание. Прежде Фу Линцзюнь менял ему души не слишком часто — лишь время от времени. Но теперь этим извлечённым иньским душам нашлось новое применение.

Он развязал один мешочек, и оттуда медленно выплыла серовато-белая душа. С бледных кончиков пальцев Фу Линцзюня пополз чёрный туман, окутал её, а затем он небрежно коснулся ожившего бумажного двойника перед собой — и душа со свистом влетела внутрь.

Бумажный двойник, похожий на живого человека, медленно открыл глаза.

В мерцающем свете свечи он выглядел почти настоящим и всё ещё стоял на месте. Фу Линцзюнь развязал ещё один мешочек, потом ещё, и одну за другой выпускал души, отправляя их в окоченевшее бумажное тело.

Лишь вобрав в себя несколько душ, двойник наконец обрёл подобие жизни: медленно пошевелил руками и ногами, выражение на его лице стало куда живее, а потом он опустился на колени, покорно подчиняясь воле Фу Линцзюня.

— Это... для... чего? — не удержался Цзян Тан.

И страшно, и любопытно.

— Готовлю еду, — ответил Фу Линцзюнь.

Для кого предназначалась эта еда, было и без слов понятно.

Запечатав область Цянькунь, Фу Линцзюнь хотел отрезать Цзян Чаньюаню путь к новым чистиньским душам. Тот уже успел проглотить несколько нечистых душ и теперь стоял на грани безумия, жадно желая иньских. Разумеется, Фу Линцзюнь собирался удовлетворить эту жажду.

Лучше всего — сорвать с даосского святого маску прямо на глазах у всех культиваторов, что его почитали.

Только вот у этой «еды» было лицо Фу Линцзюня.

Цзян Тану от этого было ужасно не по себе. Но он слишком волновался о том, что задумал Фу Линцзюнь, и всё же хотел понять всё до конца.

Фу Линцзюнь и сам знал, что Цзян Тан пока ещё не вполне понимает многие его дела, поэтому терпеливо подвёл его к сути:

— Цзян Чаньюань хотел заманить меня в свою ловушку, но в итоге сам оказался заперт внутри неё. Если завтра в области Цянькунь начнётся смута и появится «Фу Линцзюнь», как, по-твоему, поступит Цзян Чаньюань?

— Убьёт... тебя, — Цзян Тан наконец понял, что именно собирается сделать Фу Линцзюнь.

Но стоило ему понять, как на душе тут же стало ещё тревожнее.

Завтра... уже завтра.

Конечно, Цзян Тан знал, что дальше тянуть нельзя. Если дожждаться, пока Цзян Чаньюань совсем перестанет сдерживаться и начнёт тайком убивать культиваторов, чтобы кормить сердечного демона, тот снова затихнет на какое-то время.

Именно сейчас, в эти дни, когда после проникновения Фу Линцзюня на Пир десяти сторон его непрерывно через Ци Е подкармливали нечистыми душами, у Цзян Чаньюаня было больше всего прорех.

Цзян Тан занервничал и потянулся за рукой Фу Линцзюня.

— Сян Син уже готов. Завтра пойдёшь со мной? — Фу Линцзюнь сжал мягкую ладонь в своей и легко погладил её.

Цзян Тан закивал без остановки.

Даже если бы Фу Линцзюнь его не позвал, он всё равно пошёл бы следом. Раз завтра в области Цянькунь начнётся смута, то и в обители Десяти сторон он не смог бы сидеть спокойно — только изводил бы себя тревогой за Фу Линцзюня.

И потому уже с этой ночи Цзян Тан начал страдать бессонницей.

Свернувшись у Фу Линцзюня в объятиях, он никак не мог уснуть, но и ворочаться не смел — боялся потревожить его отдых. Видно, просто не привык ещё к подобным вещам: в прошлый раз, когда Фу Линцзюнь столкнулся с Цзян Чаньюанем, он пострадал так сильно, что тревога и напряжение в груди у Цзян Тана уже готовы были перелиться через край.

В книге и правда говорилось, что Фу Линцзюнь — потолок боевой мощи, но по какой-то причине его душа была повреждена, а потому он оказывался уязвим перед Цзян Чаньюанем. Цзян Тан слишком боялся — боялся, что всё снова пойдёт по тому же кругу. Но в то же время он убеждал себя, что надо смотреть на всё оптимистичнее. В голове у него будто дрались два маленьких человечка, и он не раз тихонько вздохнул.

Раз маленький комочек у него на груди не спал, Фу Линцзюнь тоже не мог провалиться в сон.

Он обнял Цзян Тана за талию, подтянул чуть выше и развернул так, чтобы маленькое лицо, прежде уткнувшееся ему в грудь, оказалось прямо напротив его собственного.

— Я... тебя... разбудил... — Цзян Тан поспешно зажмурился. — Я уже сплю.

И тут почувствовал, как чьи-то пальцы перебирают у него чёлку.

Он ещё не успел открыть глаза, когда тёплый поцелуй лёг ему на лоб.

— Спи.

Поцелуй был лёгким, как касание стрекозьих крыльев, но почему-то сразу успокоил Цзян Тана. И правда, надо верить своему возлюбленному. Он вытянул руку и крепко обнял Фу Линцзюня за талию.

Так они полежали совсем немного, и Цзян Тан снова открыл глаза. Потом тихо спросил:

— Подзарядиться не хочешь?

— Подзарядиться? — Фу Линцзюнь не понял, что это значит.

Тогда щеночек сполз ниже и уткнулся лицом ему в живот.

Фу Линцзюнь: «...»

Мышцы на животе тут же резко напряглись.

* * *

На следующий день Цзян Тан уже привёл мысли в порядок и вместе с боссом отправился сеять переполох. Под предлогом починки рунного массива Фу Линцзюнь взял его с собой. И оказалось, что всего за один день после запечатывания области Цянькунь всё вокруг уже стало немного иным.

Прежде в переулках и на улицах стоял сплошной шум: крики торговцев, разговоры, радостный смех. Но после того как духовные вести перестали уходить наружу, а многие тайком попытались пробить барьер и потерпели неудачу, воздух постепенно наполнился паникой.

Торговые ряды по-прежнему стояли на месте, но и те культиваторы, что проходили мимо, и те, что сидели за едой, выглядели заметно напряжёнными.

— Слышал? До того как область Цянькунь запечатали, кто-то видел Фу Линцзюня в пределах Чишуй!

— И я слышал! И как это я тогда не поверил? Мой младший дядюшка, трус ещё тот, в тот же день сбежал, а я вот... эх. Как думаешь, это не он ли закрыл область Цянькунь, чтобы перебить нас всех?

— А нас-то за что убивать?

— Да кто его знает, что ему в голову взбрело. Если не он, тогда кто ещё?

Цзян Тан подслушал краем уха — и ему стало немного совестно.

Сплетничать за спиной нехорошо, но, если честно, угадали эти люди довольно метко: пакость и правда устроил босс... только убивать их Фу Линцзюнь вовсе не собирался. Более того, он даже

приманкой делать их не хотел.

— А вы тоже пробовали? — тихо спросил кто-то ещё. — Я специально ходил проверить. Барьер там жуткий... ни разбить его, ни обойти, ещё и тянет духовную силу. Чертовщина какая-то...

— Эх, пробовали. Потому и скисли. Вы разве не видели? Сегодня хранители области носятся как угорелые. Пока все думали, что скоро выберутся, правило запрета на частные драки ещё кое-как соблюдали. Но как только поняли, что быстро отсюда не уйти, многие культиваторы, у которых были старые счёты, сразу сцепились. Только прошлой ночью уже две драки случились, а сегодня утром — ещё одна.

— Не одна, а уже две. Я по дороге сюда слышал: того самого Ци Цунлина из рода Ци, который всё время пристаёт к культиваторшам, несколько девушек подкараулили, накрыли мешком и хорошенько отлупили. Сейчас бегают, орёт и ищет подозреваемых.

— Ха-ха-ха, да он столько девушек достал, что разве тут найдёшь виноватых?

Из-за этой неожиданно смешной новости за двумя столами даже стало чуть веселее.

Но ненадолго.

Когда завтрак уже закончился, а культиваторы, томясь от безделья, вышли греться на солнце или посмотреть, как продвигается починка телепортационного массива, с конца длинной улицы донёлся лёгкий, но отчётливый звон цепи.

Навстречу ослепительному солнцу медленно вышел гигант ростом выше девяти чи. Верхняя часть тела у него была обнажена: грудь и плечи бугрились мышцами, по коже тянулись хаотичные шрамы. Нос и рот скрывала чёрная маска, а мертвенно-тусклый взгляд вызывал необъяснимый озноб.

Огромная ладонь, точно опахало, сжимала толстенную железную цепь, которую он волочил по синему камню мостовой. Та скрежетала так, что зубы сводило, и даже среди бела дня от одного этого зрелища веяло чем-то зловещим.

— Видел того человека?..

— Тсс, потише!

То ли от самого вида, то ли от исходившего от него давления, но стоило великану лишь мерно зашагать вперёд, как культиваторы по обе стороны улицы уже почувствовали тяжесть на сердце.

За ним шёл высокий молодой мужчина.

Весь в мягком золотистом свете, с тонкими, словно написанными кистью, чертами лица и кожей, бледной, как бумага. За спиной у него висел огромный тяжёлый меч, рукоять которого была кое-как обмотана чёрной тканью. Сам клинок был огромен и без острия, от него веяло пронизывающим холодом.

— Это же тяжёлый меч... Среди даосов таким мало кто пользуется. Если мне память не изменяет, есть только один такой человек.

— Ты ведь не о... том самом?

— Подожди, красивое лицо, тяжёлый меч — так это он...

Договорить тот не успел: грубая чёрная цепь со свистом хлестнула в его сторону, и человек с воплем бросился бежать.

Не задев его, цепь развернулась и смела лотки и строения по обе стороны улицы. Куда бы она ни ударила, всё с треском разлеталось в щепки и каменную крошку.

— А-а!

— Кто это такой?!

— Эй-эй-эй, не смей нападать!

Цепь, пропитанная свирепой силой, яростно била по стоявшим вокруг культиваторам. Кто успевал сбежать, тому ещё везло. А тем, кто медлил, хватало одного удара, чтобы плоть разорвало до крови. С конца длинной улицы всё ближе катились крики боли и плач.

— Это Фу Линцзюнь!

— Меч Шифо — это Фу Линцзюнь! Бегите!

Один особенно трусливый культиватор, услышав имя Фу Линцзюня, тут же осел на землю, сжавшись в комок: ни сбежать не мог, ни сопротивляться — только тряся, как сито, и по чуть-чуть отползал назад. И всё равно не спасся: грубая чёрная цепь обвилась вокруг него и с силой швырнула на землю, вырвав из его горла пронзительный вопль.

Все вокруг в панике разбегались.

А Цзян Тан с Фу Линцзюнем скрывались в тени, наблюдая за этой толпой бегущих людей и вспархивающими во все стороны духовными птицами.

Сян Син двигался уже медленнее, и бумажный двойник, до жути похожий на живого человека, тоже замедлился. Они не кидались добивать бегущих культиваторов, а лишь тащили за собой длинную цепь и гнали людей дальше.

В одно мгновение в области Цянькунь поднялся кромешный переполох: весть о том, что Фу Линцзюнь появился внутри области и устроил кровавую бойню, передавалась из уст в уста, и все почувствовали угрозу собственной жизни.

Быстрее, чем ожидалось, воздух к ним прорезали две фигуры — в зелёном и белом. Янь Цунси, получив духовную весть, сперва ещё сомневался, но лица Фу Линцзюня и Сян Сина слишком хорошо врезались ему в память, а рука, которую тогда едва не отсекли и которая с тех пор всё ещё ныла, тут же напомнила о себе. В нём вспыхнул гнев, и он рявкнул:

— Фу Шэн! Что ты задумал на этот раз?!

В руке у него был веер из белой кости с нефритовым отливом, но после прошлой стычки у него остался настоящий внутренний страх, так что в атаку он сразу не бросился.

В глазах Цзян Чаньюаня мелькнула едва заметная красная прожилка, но в следующий миг зрачки снова почернели — и он уставился на две знакомые фигуры внизу.

Красивые глаза слегка сузились, и в них поднялась жажда убийства.

Позади них подтянулись и главы разных сил, приехавшие на Пир десяти сторон. Подходить близко они не смели, держались лишь неподалёку.

— Это Фу Шэн, посмотрите на меч Шифо!

— А тот здоровяк... вам не кажется, что он очень похож на...

— Да не может быть. Разве он не умер давным-давно?

— Так это и правда Фу Шэн запечатал область Цянькунь! Да у него смелости хоть отбавляй. Тут ведь, кроме главы Яня и святого, ещё и Хуай Шоусинь находится. Как он один собрался всем им противостоять? Да ещё и нарочно пришёл провоцировать. Не иначе как на смерть явился.

— ...Когда-то он ещё на ступени бессмертного Дао сумел, перепрыгнув через целую ступень, убить святого и поднял такой шум. Столько лет прошло — ещё неизвестно, кто тут кому ещё неприятности устроит...

— Ты чего это чужой боевой дух поднимаешь, а свой гасишь? Святой ведь здесь, чего нам бояться!

— Но святой совсем недавно сам попросил для себя громовое наказание... неужели Фу Шэн нарочно явился именно сейчас?

Толпа трещала без умолку, но вперёд никто не шёл. Те, кто бежал первыми, даже пытались ещё немного отступить назад, боясь, как бы бой не задел их самих.

Янь Цунси, насупив густые брови, смотрел на равнодушного Фу Линцзюня.

— Ты запечатал область Цянькунь только ради сегодняшнего дня?

Тот не ответил. Лишь вскинул голову и холодно скользнул по нему взглядом.

От этого взгляда Янь Цунси почувствовал себя униженным. Но в прошлый раз он и вправду сильно пострадал от руки Фу Линцзюня, так что в глубине души всё же опасался его. А состояние Цзян Чаньюаня в последние дни было уже не тем, что прежде. Как бы Янь Цунси ни боялся, он всё равно не мог позволить другу закрывать его собой. Потому шагнул вперёд и заслонил Цзян Чаньюаня наполовину.

— Раз тебе нечего сказать, мне тоже нечего с тобой обсуждать, — Янь Цунси крутанул в руке костяной веер, и в нём начала медленно собираться духовная сила.

Нефритово-белый веер со свистом сорвался вперёд, прошёл мимо великана, описал дугу в воздухе и тяжело ударил Фу Линцзюня в грудь. Янь Цунси был уверен, что веер отбросит его назад, но Фу Линцзюнь неожиданно отступил на полшага, будто едва выдержал удар.

— Ха! — Янь Цунси и сам не ожидал, что всего одним приёмом сумеет так легко оттеснить Фу Линцзюня. Но думать было некогда: он тут же пошёл в наступление, превратив веер в россыпь костяных лезвий и обрушив их на Фу Линцзюня, которого только что отбросил назад.

Пуф, пуф, пуф.

Три костяных лезвия насквозь прошли бумагу, и стоявший перед ними Фу Линцзюнь в следующий миг рассыпался дождём белых листов, плавно осыпавшихся вниз.

Он исчез у них прямо на глазах.

Серовато-белые иньские души освободились из своей оболочки и оказались под палящим солнцем. Зрачки Цзян Чаньюаня резко сузились. Его тело, давно измученное голодом, болезненно задрожало почти против его воли, а души, почувствовав мощное притяжение, одна

за другой рванули к нему, превращаясь в струйки серо-белого дыма и втягиваясь через ноздри в его тело.

— Это ещё... — Янь Цунси ошарашенно смотрел на рассеявшегося Фу Линцзюня. Он заметил, как из разлетающихся клочьев бумаги вырвалось что-то ещё, и с запоздалым недоумением обернулся к своему ближайшему другу.

И увидел пару кроваво-красных глаз.

Под бледно-золотым солнцем эти глаза были видны до ужаса отчётливо — сплошь налитые кровью, без зрачков, одно сплошное алое марево.

— Ч... Чанъюань? — голос Янь Цунси задрожал.

Все главы родов и сект, наблюдавшие за происходящим с безопасного расстояния, тоже перевели взгляд туда.

— Что... что это такое?! — кто-то заметил, как Цзян Чанъюань втягивает в себя иньские души, пусть и не разглядел толком его лица. Но даже этого хватило, чтобы почувствовать чудовищную неправильность происходящего.

— Что ты увидел? — тут же спросили те, кто ничего не заметил.

Тот самый глава рода, который видел, как Цзян Чанъюань поглощает иньские души, едва мог выговорить хоть слово от ужаса. Пока речь шла о Фу Линцзюне, он ещё мог рассуждать без умолку, но перед лицом Цзян Чанъюаня его будто поразила молния. Он не хотел верить, но верить приходилось. Всё его тело дрожало, дыхание становилось всё тяжелее.

Лицо Цзян Чанъюаня, втянувшего души, исказилось. От его прежней благопристойности, от его возвышенной даосской осанки не осталось и следа. На лбу и шее вздулись жилы, и теперь он был похож на безумца, от которого исходил животный ужас.

— Как ты...

Но Янь Цунси не успел договорить. Меч в руке Цзян Чанъюаня рванулся вперёд и насквозь пронзил его тело. Лезвие вошло в грудь и вышло из спины, а по нему вниз всё быстрее и быстрее побежала горячая кровь.